

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЛИКАТУР В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Тригулова Татьяна Александровна
старший преподаватель
Узбекский государственный
университет мировых языков

Аннотация:

Статья исследует персуазивный потенциал импликатур в медиаполитическом дискурсе с опорой на теорию Г. П. Грайса. Анализируется, как намеренное нарушение максим кооперации формирует скрытые прагматические смыслы, влияющие на восприятие и интерпретацию политической информации. Подчеркивается, что такие импликатуры служат инструментом легитимации, идеологического кодирования и персуазивного воздействия. Используемый подход сочетает методы прагмалингвистики и критического дискурс-анализа, демонстрируя продуктивность их интеграции в анализ современной медиаречи.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, импликатура, максимы Грайса, персуазивность, прагмалингвистика, критический дискурс-анализ

Abstract :

This article explores the persuasive potential of implicatures in media-political discourse, drawing on H. P. Grice's theory. It analyzes how deliberate violations of the cooperative maxims generate covert pragmatic meanings that shape the perception and interpretation of political information. It is argued that such implicatures function as tools of legitimation, ideological encoding, and persuasive influence. The study combines methods of pragmalinguistics and critical discourse analysis to demonstrate the analytical productivity of this integrated approach to contemporary political media texts.

Keywords: media-political discourse, implicature, Gricean maxims, persuasiveness, pragmalinguistics, critical discourse analysis

Введение

Современный медиаполитический дискурс представляет собой многослойное коммуникативное пространство, в котором политические высказывания сочетаются с прагматическими стратегиями персуазивности. В условиях нарастающей поляризации и информационной конкуренции лингвистические средства приобретают статус ключевых инструментов влияния на общественное сознание. Одним из таких средств выступают импликатуры — прагматические смыслы, выводимые не из прямого содержания высказывания, а из его контекста, интенциональности и предполагаемого взаимодействия между участниками коммуникации.

Обзор литературы

Центральной теоретической опорой настоящей статьи выступает теория кооперации Г. П. Грайса [1], согласно которой отклонение от четырёх коммуникативных максим (количества, качества, отношения и способа) порождает импликатуры — скрытые значения, формирующиеся на основе контекста и ожиданий адресата. Именно эта модель позволяет объяснить, как в медиаполитическом дискурсе осуществляется скрытое влияние: недосказанность, искажение или избыточность информации становятся осознанной стратегией персуазивного воздействия.

Развитие грайсовской модели в прагмалингвистике связано с работами С. Левинсона [2], который подчёркивает институциональный характер импликатур, и Дж. Томас [3], трактующей их как инструмент социокультурной адаптации и интерпретации. Исследователи подчёркивают, что импликатуры не только способствуют пониманию, но и направляют интерпретацию, особенно в условиях власти, иерархии и идеологии.

Критический дискурс-анализ, в частности в работах Н. Фэрклоу [4] и

Т. А. ван Дейка [5],[6], позволяет расширить применение теории Грайса, рассматривая импликатуры как компонент когнитивного контроля и идеологического кодирования. В их трактовке нарушение максим — не нарушение коммуникации, а форма социального воздействия и манипуляции сознанием.

Российские исследователи также вносят вклад в переосмысление теории Грайса применительно к политическому дискурсу. Так, О. Л. Михалёва [7] подчёркивает роль импликатур в эвфемизации и маскировке идеологического послания, А. А. Голоднов [8] рассматривает их как средство рационализации и легитимации политических решений, а Е. В. Шелестюк [9] — как элемент перлокутивного воздействия, способный трансформировать когнитивные установки аудитории.

Теория Грайса в совокупности с критико-дискурсивным подходом предоставляет продуктивную рамку для анализа персуазивных стратегий медиаполитической коммуникации.

Методология

Анализ основан на медиаполитических текстах, опубликованных в англоязычных информационных изданиях в 2025 году. Методологическая база опирается на теорию кооперации Г. П. Грайса [1], с акцентом на выявление нарушений четырёх максим и возникающих импликатур. Целью являлось установление их прагматического и персуазивного потенциала.

Отклонения от максим количества, качества, отношения и способа были выделены, после чего была осуществлена интерпретация их коммуникативной функции. В интерпретации использовались элементы прагмалингвистического анализа и критического дискурс-анализа [4],[6]. Идеологическая направленность текстов была выявлена через анализ структурных и лексических приёмов, направленных на легитимацию и маскировку политических смыслов.

Анализ

В результате анализа медиатекстов, опубликованных на платформах Reuters и Al Jazeera, были зафиксированы устойчивые случаи имплицативного кодирования, возникающего вследствие нарушения кооперативных максим Грайса. Эти отклонения не разрушают коммуникацию, а напротив — используются как механизм скрытого прагматического воздействия, направленного на легитимацию или смещение акцентов в восприятии политической информации.

Нарушение максимы качества. В материале Reuters встречается высказывание: *Observers claim the government might have known more than it admits*. Лексемы *observers* и *might have known* создают размытый источник информации и вводят элемент допущения. Это приводит к имплицатуре, вызывающей сомнение в правдивости официальной позиции, однако в явной форме оценка не выражается. За счёт этой стратегической неопределённости создаётся видимость беспристрастного изложения, при том что на уровне подтекста транслируется критическое отношение. Таким образом, объективность лишь имитируется, а персуазивность достигается за счёт лексико-семантической неуверенности и отсутствия конкретного атрибутивного маркера.

Нарушение максимы количества. В статье Al Jazeera содержится фраза: *Several facilities were affected*. Оценочно-неопределённая квантификация (*several*) и пассивная конструкция создают эффект неполноты, лишая читателя возможности точно оценить масштабы произошедшего. Имплицатура сводится к смягчению восприятия негативных последствий, формируя прагматическую стратегию минимизации ущерба. Такое редуцирование информации позволяет избежать паники или репутационных рисков, оставаясь при этом в пределах допустимой коммуникативной нормы.

Нарушение максимы отношения. Употребление фразы: *Peace remains a priority, though regional tensions persist* вводит тему мира в контекст конфликта. Тем самым имплицуется, что действия субъекта оправданы более высокой целью. За счёт подобного тематического смещения достигается изменение

акцентов в интерпретации происходящего: внимание фокусируется не на фактах, а на предполагаемых мотивах. В лексике при этом используются позитивно маркированные номинации (*peace, priority*), вытесняющие конфликтные реалии в фон.

Нарушение максимы способа. Терминологическая замена *nuclear threat* на *strategic deterrence architecture* служит примером лексической десемантизации. За счёт абстрактного, технократичного словосочетания происходит эвфемизация потенциальной угрозы. Такая лексическая трансформация позволяет снизить эмоциональное восприятие и скрыть эксплицитное выражение конфронтации, что соответствует задачам легитимации военной риторики.

Таким образом, выявленные случаи демонстрируют не только реализацию имплицатур, но и их направленную функцию — от отвлечения внимания и создания дистанции до оценки и скрытого убеждения. В медиаполитическом дискурсе нарушения кооперативных максим выполняют прагматически мотивированную роль, усиливая идеологическую избирательность и модифицируя интерпретацию в пользу коммуникативного намерения автора.

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что имплицатуры в медиаполитическом дискурсе представляют собой не побочный продукт, а осознанно используемый механизм смыслового кодирования. Их персуазивный потенциал обусловлен возможностью транслировать идеологически нагруженные интерпретации, не прибегая к прямым оценкам. Нарушения максим Грайса, как показал анализ, сопровождаются прагматически мотивированным выбором лексических средств — таких как эвфемизмы, неопределённые квантификаторы, тактическое замалчивание и тематическое смещение. Эти приёмы позволяют авторам сохранять иллюзию объективности и нейтральности, при этом направляя интерпретацию событий в нужное русло.

Сопоставление принципов теории кооперации Грайса с аналитическими процедурами критического дискурс-анализа даёт возможность не только

выявлять имплицитные смыслы, но и осмысливать их как элементы идеологически мотивированного дискурсивного конструирования. Такая интерпретация выходит за рамки текстовой прагматики и демонстрирует, как языковые формы включаются в механизмы легитимации, нормализации и структурирования политического знания. Следовательно, импликатуры следует рассматривать как ключевой компонент персуазивного ресурса медиаполитического дискурса, подлежащий систематическому анализу.

Заключение

Представленный анализ подтверждает продуктивность применения теории импликатур Грайса для выявления и интерпретации скрытых персуазивных стратегий в медиаполитическом дискурсе. В контексте политической коммуникации отклонение от кооперативных максим оказывается не коммуникативной ошибкой, а осмысленным лингвистическим выбором, направленным на идеологическую репрезентацию, маскировку или акцентуацию смыслов.

Интеграция прагмалингвистического подхода с методами критического дискурс-анализа позволила раскрыть, как импликатуры формируются через лексико-семантически неприёмы, включая эвфемизацию, обобщение, тематическое смещение и стратегическое замалчивание. Эти средства, функционируя на фоне кажущейся нейтральности, активируют когнитивные сценарии, способствующие легитимации и нормализации политических установок.

Таким образом, импликатуры в медиаполитическом дискурсе следует рассматривать как мощный инструмент персуазивного воздействия, имеющий системный и идеологически мотивированный характер и заслуживающий дальнейшего многоаспектного исследования.

Список использованной литературы

1. Grice H. P. Logic and Conversation // In: Cole P., Morgan J. (eds.). Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

2. Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 p.
3. Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London: Longman, 1995. 224 p.
4. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
5. van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998. 390 p.
6. van Dijk T. A. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17, No. 3. P. 359–383.
7. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
8. Голоднов А. В. Импликатуры как средство рационализации и легитимации политических решений // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2013. С. 85–90.
9. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 344 с.
10. Reuters. What is the Nuclear Non-Proliferation Treaty? [Электронный ресурс]. 16 июня 2025 г. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/what-is-nuclear-non-proliferation-treaty-2025-06-16>.
11. Psaropoulos J. T. World on the cusp of a new nuclear arms race, says SIPRI [Электронный ресурс] // Al Jazeera. 16 июня 2025 г. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/6/16/world-on-the-cusp-of-a-new-nuclear-arms-race-says-sipri>.